

- Новые краски Африки
- Дело жизни Анри Ланглуа

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ

Лиди Плаха:

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ТОРЖЕСТВО

Лиди Плаха — актриса Пражского национального театра, член партийного комитета театра, член президиума Союза актеров ЧСР. Активная участница антифашистской борьбы в Чехословакии, соратница Юлиуса Фучика, коммунист Лиди Плаха — любимица чехословацких зрителей. Накануне тридцатилетия сталинградской победы корреспондент АПН в Праге М. Пучковский по нашей просьбе встретился с Лидой Плахой.

Тридцатилетие сталинградской победы... Пусть мои советские друзья не сочтут это нескромностью, громкой фразой, но тридцатая годовщина победы Сталинграда — это наш общий и мой собственный праздник.

Юбилей, славная годовщина... Для наших молодых — это знамена, цветы, прекрасная музыка. Иного они не могут себе представить. Такое празднество, конечно, остается у них в сердце.

Но для меня одним из самых светлых, самых ликующих было и остается торжество победившего Сталинграда тридцать лет назад. Праздник без цветов, без музыки. Незабываемый день...

Тому, кто этого не пережил, трудно понять. Это звучит не как укор, ведь не легко вообразить себе страшные стены панкращной тюрьмы, эсэсовских охранников, утративших человеческий облик, и нас, заключенных патриотов — коммунистов, социалистов, беспартийных, измученных голодом, побоями, ожиданием смерти, но еще

более, пожалуй, сознанием того, что полчища нацистов уже продвинулись на восток на тысячи километров. Многие уже потеряли надежду, а что может быть страшнее?

Но вот в коридорах и камерах, в каменном мешке двора, куда нас выгоняли на пятнадцатиминутную прогулку, все чаще стало раздаваться слово «Сталинград!»

Сталинград... В те дни многие из нас, даже из тех, которые продолжали бороться в подполье и ночами принимали к приемникам, ловя голос Москвы, не очень-то ясно представляли себе, где он и как выглядит. Что это — скала, увенчанная неприступной крепостью? Пояса железобетонных казематов, как на знакомой по журнальным картинкам «Линии Мажино»? Лишь позже, много позже мы увидели фотографии землянок над Волгой, окопы в мерзлой почве, руины Сталинградского тракторного завода...

Как-то в камеру втолкнули новую узницу, избитую, в разодранной одежде. Пошатываясь, она подошла к сте-

не, провела рукой. Следы отчетливо были видны на потемневшей от грязи побелке: волнистая линия, круг внизу — Каспий, а звезда на изгибе реки — Сталинград!

На утреннем осмотре надзирательница «из своих» увидела «карту», быстро оглянувшись на дверь камеры и, подмигнув, шепнула: «По радио передали: им капут! Скоро!». Мы поняли — это о Сталинграде.

И вот в напряженной нервной атмосфере ожидания утром по тюрьме пронеслась весть: «тысячелетний райх» объявил траур.

Позже нас зачем-то выстроили у камер. Сквозь горизонтальную проволочную сетку, отделявшую наш этаж от верхних, было видно товарищей, стоявших возле своих дверей. Я ищу глазами Юлу. Его побледневшее лицо кажется еще бледнее в рамках черной бороды, но глаза сияют. Эсэсовец повернулся к нему спиной. Правая рука Фучика, сжатая в кулак, взлетает в боевом салюте: Сталинград!

Поездки на допросы во дворец Печена, где находилось гестапо, да, в ту самую «печкарню», запомнились на всю жизнь. Оттуда привозили избитых людей, некоторые не возвращались вовсе...

В этот день все было по-

другому. Сквозь щели в брезентовом тенте грузовика, который иногда заменял закрытый полицейский фургон, мы увидели траурные флаги. Нацистские офицеры, шагавшие раньше так надменно, глядя прямо перед собой, вдруг сгорбились, опустили головы, точно в каждом из них что-то надломилось, а пражане, бывало, опускавшие глаза и ускорявшие шаг при виде тюремной машины, теперь останавливались, провожая нас ободряющим взглядом. «Сталинград!» — читали мы на их оживших лицах.

И вот знакомый до мелочей подвал — «кинематограф». Вот уже сели на лавки

по строго установленному порядку все заключенные: молчать, сидеть, не двигаясь, смотреть в стену. Трудно сказать, кто дал знак, а может быть, не было никакого сигнала, только вдруг все узники, как один человек, поднялись со своих мест и замерли, отдавая честь сталинградской победе.

Шли дни, недели, но торжество не исчезло, праздник оставался с нами. 23 февраля (в тот день Юлу исполнилось сорок, а мне — девятнадцать) нас привезли в «печкарню» на очередной допрос и вместе втолкнули в лифт, доставлявший узников в верхние этажи к кабинетам следователей, Юла шепнул мне: «Что ж, едем праздновать день Красной Армии! Вспомни о Сталинграде!».

Мне еще не довелось побывать в городе-герое на Волге. Но хочется верить: я увижу его, я расскажу его людям, как по известиям о победном марше Красной Армии, начавшемся от стен Сталинграда, мы изучали географию Советской страны.